

Н.Н. СТРАХОВ: «ПОМНЮ Я СЕБЯ ОЧЕНЬ РАНО»

В этом году русскому философу, блестящему литературному критику, талантливому переводчику, сыгравшему значительную роль в русском просвещении второй половины XIX века, Николаю Николаевичу Страхову – 190 лет. Учёные университета активно занимаются исследованием его наследия. Недавно ректорская группа по реконструкции библиотеки-музея Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ» разыскала аттестат об образовании и послужной список Николая Петровича Страхова. Страницу аттестата отца мыслителя представляем на этой газетной полосе, посвящённой детству Н.Н. Страхова.

СТРАХОВ
Николай Николаевич
(1828 – 1896)

Николай Николаевич Страхов родился 16 (28) октября 1828 года в Белгороде в семье священника Николая Петровича Страхова (протоиерея Смоленского кафедрального собора, выпускника Киевской Духовной академии, магистра богословия, преподавателя словесности в Белгородском духовном училище). Мать – Мария Ивановна Савченко, дочь Иоанна Трофимовича Савченко, протоиерея Троицкого кафедрального собора и ректора Белгородской духовной семинарии. Дед по отцу – русский, бабушка по отцу – гречанка. Дед по матери – выходец из малороссийского дворянского рода, бабушка по матери – из польского рода.

О своём происхождении сам Н. Н. Страхов в юношеском автобиографическом отрывке «По праздникам» писал:

«Я родился от русской крови. Мой отец — духовного звания, а духовные наши — коренные русские. Но мать моего отца была гречанка; но я родился от малороссианки, которой дед был родовой казак, а мать из польского семейства. Сколько разнообразности влияний!»

Открытие библиотеки-музея Н.Н. Страхова, 2017 г.

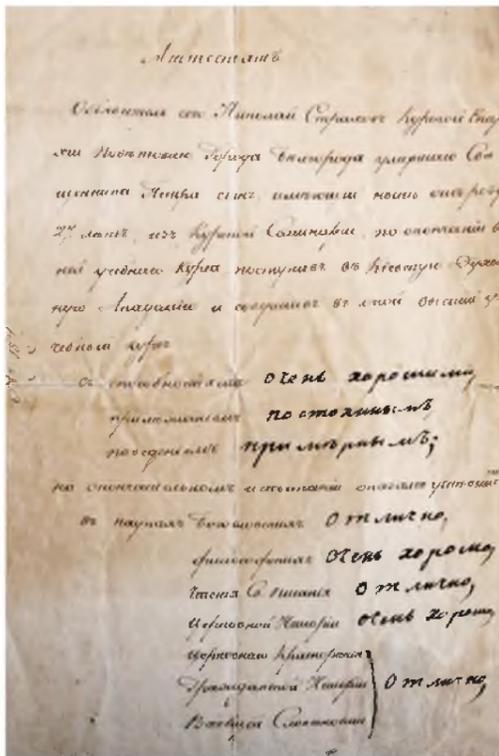
Любознательность – одна из основных черт характера Страхова – отчётливо начала проявляться уже в детстве. В дневнике Страхов вспоминал, как отец учил его писать:

«Я сидел у него на коленях; он собрал несколько оторванных от хриль неисписанных четвертушек и сшил их in octavo шёлковую ниткой. Тетрадь эта очень меня обрадовала, хотя листы её были разной бумаги с кружками (от чайного стакана – Д.С.), о которых я говорил. Но верю, я ничего бы не помнил об этом, если бы при этом не было польщено моё самолюбие. Отец вышел со мною на крыльцо и стал упрекать брата за то, что тот всё бегаёт: хвалил меня, назвав умницей, и сказал, что у брата не будет такой тетрадки. Вот что первое я помню!»

Сохранились дневниковые записи Н.Н. Страхова, которые дают представление о круге его чтения в раннем детстве:

«Я помню, он (отец – Д. С.) как-то заставил меня прочитать перед гостями “Стрекозу” Крылова и “Собака ловит мух” Хемницера. Этот случай, польстивший моему самолюбию, я удержал в памяти. Книжки, где были эти басни, стояли в шкафу за стеклом в том же кабинете. “Собака” мне нравилась больше, чем “Стрекоза” с её стрекозиным размером». «Но дольше осталась в моей памяти “Людмила” Жуковского; долго потом надо мною звучали эти сладкозвучные стихи, но я нигде не находил баллады, и мне удалось её снова прочесть только в Костроме»

АТТЕСТАТ Н.П. СТРАХОВА ОБ ОКОНЧАНИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (1823 Г.)

Объявитель сего Николай Страхов Курской епархии поветового города Белгорода умершего священника Петра сын, имеющий ныне отроду 27 лет, из Курской семинарии, по окончании в ней учебного курса, поступив в Киевскую духовную академию и совершив в оной высший учебный курс

с способностями **очень хорошими**,
прилежанием **постоянным**,
поведением **примерным**;
на окончательном испытании оказался успешным
в науках богословских **отлично**,
философских **очень хорошо**,
чтении Св. писания **отлично**,
церковной истории **очень хорошо**,
церковного красноречия **отлично**,
гражданской истории **отлично**,
всеобщей словесности **отлично**,
языках: греческом **отлично**,
еврейском **отлично**,
французском **отлично**,
немецком **очень хорошо**,

и принадлежит к 1^{му} разряду академических воспитанников 1823 года сентября 17 дня с утверждения Комиссии духовных училищ произведён в магистра богословия и назначен в Курскую семинарию профессором по классу словесности.

Во свидетелство сего и дан ему Страхову сей Аттестат сентября 23го дня 1823 года.
Ректор архимандрит Моисей.
Инспектор, иеромонах [неразб.]

Секретарь Иоаким Орлов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Откликаясь на предложение Фета приехать к нему летом в курскую усадьбу, Страхов писал поэту 24 ноября 1877 г. из Петербурга:

«Непременно, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и с величайшей радостью. Я родился в Белгороде, и для меня до сих пор Курская губерния есть то место, где всего лучше жить людям, где времена года имеют надлежащую продолжительность, где небо, земля, трава и деревья имеют свой надлежащий вид, тот самый, который подразумевается под этими словами. Я не могу привыкнуть к Петербургу...»

***

Из неоконченной автобиографической повести «Последний идеалист» («Воспоминания и отрывки»)

«Помню я себя очень рано; мне мерещится даже, как нянька держит меня на руках перед печью, в которой варится картофель... Помню первое пробуждение ясного сознания... Это случилось в день смерти отца. Мне было тогда лет шесть, но до сих пор сохранились в моей памяти все подробности... Меня разбудили, и как только я раскрыл глаза, я увидел, что вокруг меня делается что-то необыкновенное. Дом был полон людей, плакали, разговаривали каким-то странным, до сих пор мною неслыханным тоном. Что такое? Отец умер. ... Проходили сутки, потом другие, третьи, а я всё старался понять, что такое делается кругом, и напряженно вглядывался и вслушивался. Всё кругом меня, лица и слова, мысли и движения, всё казалось мне чем-то незнакомым и чуждым. А что такое было – всё это чужое и непонятное? Это была просто жизнь, это были проявления жизни, разбуженные и ускоренные смертью. Не сумею выразить этого детского настроения точными словами; скажу, как могу. ... Жизнь стала для меня загадкой, для которой нужно искать разрешения, тёмным делом, требующим уразумения. Всё это время я был тих и неподвижен; даже в те минуты, когда подступала печаль, когда слёзы текли по моему лицу, меня не оставляла моя дума, и я напряжённо вникал: что же это такое? Я тогда же заметил – и это меня поразило – что брат мой, почти мой ровесник, глубоко отличается от меня. Он очевидно жил, тогда как я не жил. Он принимал во всём прямое, живое участие; никакая дума не тяготела над ним и не отталкивала его от жизни. После самого горького плача он скоро осушал глаза и весьма бодро вмешивался в какие-нибудь хлопоты, бегал по двору, даже совершил какую-то шалость по случаю раздачи нищим денег и калачей. Я же только смотрел и думал свою изумлённую думу».

***

«Из детства на меня сильно действовали звон колокола, сияние луны, церковное пение, дым кадила, стихи и тому подобное. ... Звон колокола высокое и чистое благоговение. ...»

Любил я свет луны и всегда любовался лунными ночами. Но при этом мне неотступно мерещилась какая-то неведомая сторона, какие-то чудные сады и здания, на которые падает или мог бы падать, или должен был падать этот самый лунный свет».

***

«Мать моя была невиннейшее и чистейшее создание, какое я только знаю. На ней не лежит не только какого-нибудь самого маленького грязного пятнышка, а даже малейшей тёмной полоски. Я не помню между нами даже тени, даже возможности неудовольствия. ... Мать моя является мне чистою голубицею, и именно потому, что в ней не было никакой страсти, никакой глубокой и сильной житейской черты. Она была чужда жизни, и не освоилась с нею до самой смерти... я живо помню мать и не могу ошибиться в её духовной природе. Из всех окружающих я одну её любил и вполне понимал. Она была со мною говорливее и откровеннее, чем с кем-нибудь из взрослых. При этом она больше или меньше принимала на себя роль старшего человека, вполне опытного и знающего свет и людей. Увы! на самом деле она была таким же непонимающим и чуждым жизни ребенком, как и я. Бывало, целую её руки и глядя в её кроткое лицо, я слушал её жалобы, её суждения об окружающих лицах и делах и думал про себя: нет! ... мать только показывает вид, будто она взрослая, будто она понимает эту жизнь и участвует в ней так же, как и другие. Итак, я вполне уверен, что ... моё душевное настроение... я наследовал прямо от матери, а не обязан им «среде» или каким-нибудь случайностям».